

Отражение личности о. Иоанна Кронштадтского в художественной литературе конца XIX – начала XX вв

Игнатова Маргарита Сергеевна

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет, Москва, Россия
E-mail: irita2@mail.ru*

В конце XIX – начале XX вв. Россия нуждалась в реформах, однако страна находилась в «замороженном состоянии». Этому способствовал консервативно-охранительный курс, проводимый правительством и Русской Православной Церковью (РПЦ), которой также были необходимы перемены. Следствием такого курса стал отход от Церкви многих людей, которые больше не верили в святых, в творимые ими чудесные исцеления больных и увечных.

Именно на это время пришлась жизнь о. Иоанна Кронштадтского. Будучи человеком, посвятившим свою жизнь служению Православной Церкви и делом доказавшим преданность ей, он в то же время в некоторых вопросах выходил за рамки общепринятого Церковью (порядок ведения литургии, введение общей исповеди и др.). Кроме того, считалось, что о. Иоанн обладает даром излечивать людей и всячески помогать им своими молитвами. Иными словами, творить чудеса. Это и стало основной причиной неоднозначного к нему отношения значительной части общества, в т.ч. русской интеллигенции. А поскольку о. Иоанн был одним из ярких представителей русского духовенства, то отношение к нему людей различных сословий символизировало их отношение к РПЦ в целом. Это хорошо видно на примере таких произведений, как повесть Н.С. Лескова «Полунощники» (1891) и пьеса В.В. Протопопова «Черные вороны» (1907).

Увлеченный в 80-х гг. XIX в. идеями толстовства, Лесков негативно относился к о. Иоанну Кронштадтскому и в своей повести выразил личное к нему отношение. Условно повесть делится на две части. В первой рассказывается об «ажидации» - месте, где в ожидании некоего духовного лица (читай – о. Иоанна) собираются люди (промотавшийся пьяница, влюбленная купчиха и др.), желающие получить у него благословение и через него же - помощь высших сил в решении своих проблем. Следящие за порядком женщины стремятся узнать как можно больше информации о собравшихся, чтобы затем передать ее духовному лицу. Таким образом, он получает возможность разыгрывать пророка и целителя.

Во второй части повести рассказывается о наследнице большого состояния Клавдии Степеновой. Изучив Евангелие, Клавдия пересматривает свои духовно-нравственные ценности и начинает жить по-новому. Однако перемены не устраивают ее мать, которая хочет, чтобы все было по-старому, и решает попросить помощи у известного священника. Для этого ей приходится обратиться к неким ловким людям: они «перехватывают» священника для

своих «заказчиков». Но все усилия оказываются напрасными. Хотя священника и удастся привезти к Клавдии, но он не может переубедить ее. Более того, девушка сама дает ему совет: помогать прежде всего людям бедным.

В повести «достается» не только священнику, но и всему духовенству. Например, когда мать Клавдии обращается за помощью к «обычному» приходскому священнику, оказывается, что он предпочитает мещанскую мораль морали христианской и не в состоянии понять высоких устремлений Клавдии.

Светские издания приняли повесть благосклонно, в них отмечалась реалистичность описания того ажиотажа, который был связан с образом священника (о. Иоанна). Так, один из авторов «Русской мысли» писал: «... тут проявляется хроническое умственное оскудение и отоцание нравственное, что и заставляет людей целыми толпами ждать и требовать чудес и пророчеств и верить в изгнание бесов и в прорицания, поклоняться не святым, а живому человеку...» (Russkaya Mysl, 1893. 7. P. 301). Критика пьесы скорее была направлена против различного рода чудес и исцелений, чем против него самого. Рецензент «Русской мысли» сравнил о. Иоанна с известным юродивым Иваном Яковлевичем Корейшей, увидев разницу между ними лишь в том, что к юродивому ездили «в глухую пору... не многие, при самом расцвете его славы в коридорах и приемных его резиденции не было давки...» (Russkaya Mysl, 1893. 7. P. 301).

Иным был взгляд на повесть русского православного духовенства. Так, в «Богословском вестнике» отмечалось, что «достаточно раскрыть любую проповедь очерненного пастыря, чтобы понять, как далеко от истины обвинение его в непонимании тайных христианских и в частности евангельских слов о новой, благородной жизни, о возрождении». По мнению автора, обвинения не были справедливыми хотя бы потому, что о. Иоанн всегда «уклоняется от роли оракула, предсказателя будущих судеб, хотя многие почитатели стараются поставить его именно в такое положение» (Bogoslovskii vestnik, 1892. 2. P. 419).

Еще больший шум наделала пьеса В.В. Протопопова, в которой показывалась «закулисная» жизнь секты иоаннитов, сформировавшейся вопреки воле о. Иоанна вокруг его имени. Иоанниты утверждали, что скоро наступит конец света и призывали срочно ехать в Кронштадт, чтобы причаститься у о. Иоанна, являвшегося, по их мнению, последним воплощением Иисуса Христа. С 1905 г. об иоаннитах заговорили и в обществе, и в печати - с ними были связаны многочисленные случаи мошенничества. Несмотря на то, что о. Иоанн много раз публично отрекался от иоаннитов и даже проклинал их, многие все равно верили в связь с ними о. Иоанна. В октябре 1907 г. в Петербурге состоялась премьера «Черных воронов». Это пьеса о том, как молодая девушка попадает в логово сектантов, обманувшись их показной праведностью. Перед зрителями раскрывалась истинная жизнь секты. Оказывалось, что «богородица» и «пророки» секты - обыкновенные мошенники, умело эксплуатирующие религиозные чувства верующих. Когда девушка решает уйти от сектантов, те не хотят ее отпускать, пока она не отдаст им свое

имущество. В конце концов, ей удается покинуть секту.

В. Розанов сочувствовал пьесе, называл ее «народно-необходимой, народно-нужной», хотя и написанной «слишком для улицы» (Rozanov, 1994. P. 264). Один из рецензентов «Саратовского вестника» отмечал достоинства пьесы: «Она проста, груба, как лубочная картина. . . Наглый обман изображен аляповатыми красками. Эти краски режут глаз, но рисунок все-таки понятен для самой широкой публики» (Teatr i Iskusstvo, 1907. 41. P. 674). Лишенная какой-либо художественной ценности, пьеса вызывала интерес изображением внутреннего уклада сектантской общины. В описываемой секте легко угадывались иоанниты, а в их Учителе – о. Иоанн. Многие периодические издания увидели в пьесе разоблачение сектантства.

Если бы Протопопов раскрыл только обман сектантов, прикрывающихся именем о. Иоанна, вряд ли православное духовенство так настаивало бы на ее запрещении. Однако автор «Черных воронов» вместо того, чтобы отделить о. Иоанна от иоаннитов, своей пьесой, наоборот, создал впечатление, будто протоирей Иоанн Сергиев эту секту возглавляет и, по сути, является таким же мошенником, как и остальные члены секты.

Как и в повести Лескова, зрители увидели в пьесе Протопопова разоблачение не только сектантов, но и самой Православной Церкви. Это впечатление усиливали некоторые постановки, в которых были использованы церковные атрибуты и песнопения. В Саратове разгорелся настоящий скандал. Епископ Саратовский и Царицынский Гермоген увидел в пьесе насмешку над монашеством, о. Иоанном, а также над религиозным чувством народа. Возвания Гермогена в печати и его обращение в Синод способствовали запрещению пьесы. Однако для многих это явилось доказательством того, что о. Иоанн покровительствует иоаннитам.

На примере рассмотренных произведений видно, как сильно упал авторитет РПЦ на рубеже XIX-XX вв. Это привело к тому, что даже лучшие ее представители, такие как о. Иоанн Кронштадтский, их бескорыстное служение Церкви подверглись сомнению и насмешкам.

Источники и литература

1. Лесков Н.С. Полунощники. Т. 11. М., 1989.
2. Протопопов В.В. Черные вороны: пьеса в 5-ти действ. СПб., 1907.